

Бут-Гусаим, С. Ф. Ономастикон исторической повести Ю.И. Крашевского «Последняя из слущких князей» / С.Ф. Бут-Гусаим // Ономастика Поволжья : материалы XX междунар. науч. конф., Элиста, 5-7 октября 2022 года / сост. и ред. Н. А. Кичикова, В. И. Супрун ; Калмыцкий гос. ун-т им. Б. Б. Городовикова.– Волгоград : ПринТерра-Дизайн, 2022. – С. 306–309.

ОНОМАСТИКОН ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ Ю.И. КРАШЕВСКОГО «ПОСЛЕДНЯЯ ИЗ СЛУЦКИХ КНЯЗЕЙ»

С.Ф. Бут-Гусаим

*Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»
(г. Брест, Беларусь)*

Аннотация: В статье проанализирована национально-культурная специфика компонентов ономастического пространства исторической повести Ю.И. Крашевского «Последняя из слущких князей». Рассмотрены коннотации социальности и национально-культурной специфики собственных личных имен. Выявлены этимологическая семантика фамилий, тематические группы прозвищ – носителей информации об истории знаменитых родов Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой. Проанализированы «фоновые» онимы, участвующие в формировании хронотопа произведения.

Ключевые слова: оним; поэтоним; антропоним; личное имя собственное; фамилия; прозвище; топоним.

Поэтонимикон художественного произведения на историческую тему отражает состояние национального именослова на определенном этапе истории общества. Для современной литературной ономастики насущным является изучение национально-культурной специфики именослова художественных произведений. Проблема отражения в поэтонимиконе человека – представителя определенной культуры, эпохи, особого менталитета – становится все более актуальной в лингвистике. Представленная работа соответствует специфике лингвистических исследований начала XXI века.

Цель работы – комплексное онамапоэтическое и лингвокультурологическое описание именослова повести Ю.И. Крашевского «Последняя из слущких князей». Для достижения поставленной цели нами были рассмотрены формы личных имен собственных, использованные в исторической прозе Ю.И. Крашевского, выявлены их происхождение, смысловые оттенки, прагматические возможности как этикетных знаков, рассмотрены этимологическое значение фамилий и тематические группы прозвищ, прагматическая зона семантики которых содержит сведения об истории знаменитых родов Речи Посполитой и Великого княжества Литовского. Проведена классификация «фоновых» онимов с учётом их денотативного содержания. Определена жанровая специфика ономастического пространства исторической повести. Новизна исследования в том, что в сферу проблемного поля литературной ономастики введен новый, не исследованный ранее материал.

На протяжении последних десятилетий в белорусскую литературу вернулись произведения многих писателей прежних эпох, которые жизнью и

творчеством связаны с нашей страной, но писали по-польски или по-латыни. В их книгах отражены события, происходившие на белорусских землях, описаны жизнь, быт и культура белорусов. К таким авторам относится Юзеф Игнатий Крашевский – самобытный писатель, основатель польского национального романа, автор многочисленных повестей и романов, из них около сотни – исторических.

В повести «Последняя из слущких князей» правдиво показана своеобразная «тройная война» из-за слущкой княжны Софьи Олелькович между представителями двух магнатских родов Великого княжества Литовского – Криштофом Радзивиллом и Еронимом Ходкевичем. Ю.И. Крашевский в этом произведении базировался на исторических источниках и с предельной точностью воссоздал события, происходившие в Вильно в конце 1599 – начале 1600 года.

Главное имя произведения – заголовок «*Последняя из слущких князей*» – относится к идейно-характеристическому типу. Ю.И. Крашевский рассказывает историю наследницы знаменитого рода великих князей Литвы. Последняя из рода Олельковичей – воинов, полководцев, политиков – умерла молодой, не познав радости любви и материнства. Рассказ о судьбе знаменитой семьи, которая веками жила в Беларуси и всегда была предана своей земле, завершается словами монахов на усыпальнице Олельковичей: «*И что же осталось после этих знаменитых людей? Несколько исписанных золотом камней, горстка пепла и костей и немного людской памяти...*» – «*А разве этого мало? Разве мало одной памяти, если она продлевает жизнь тому, кого не стало? Чего вы хотите большего от нашего мира, и что больше он может дать?*» – «*Вечный им покой и величайшая святость в лучшем из миров!*» [Крашевский 2009: 328].

Рассказывая об истории Олельковичей, автор вспоминает имена знаменитых деятелей прошлого – **они́мы-ретроспекции**: королей *Сигизмунда II Августа, Стефана Батория, Владислава IV, Ягайло*, князей *Ольгерда, Гедимина, Витеня, Олельки* и его потомков.

К **именам-современникам** (они соответствуют основному времени развёртывания действия исторической повести) относятся прозвания знаменитых шляхетских родов: князей *Острожских, Сангушек, Вишневецких, Корецких, Рожинских, Горских, Соломорецких, Пузыней, Радзивиллов, Глебовичей, Головчинских, Ходкевичей, Мнишков, Сапег, Зеновичей*.

Герои книги носят христианские имена иноязычного происхождения, заимствованные из **греческого**: *Криштоф* (греч. ‘тот, кто чтит Христа’ [Борис 2010: 31]), *Александр* (греч. ‘защитник людей’ [Борис 2010: 13]); *Иероним* (от греч. ‘священное имя’ [Борис 2010: 23]); *Тереза* (греч. ‘охотиться, ловить’ [Борис 2010: 69]); *Юрий* (от греч. Георгий ‘земледелец’ [Борис 2010: 50]); *Софья* (греч. ‘мудрость’ [Борис 2010: 68]), *Николай* (греч. ‘победитель народов’ [Борис 2010: 34]), **древнееврейского языка**: *Томаш* (др.- евр. ‘близнец’ [Борис 2010: 44]), *Адам* (др.- евр. ‘красный человек, земля, почва’

[Борис 2010: 12]), **Ян** (др.-евр. 'Божья милость' [Борис 2010: 51]), **Мария** (др.-евр. 'возлюбленная, желанная' [Борис 2010: 64]).

На страницах книги (в выдержках из древних документов) использованы языческие имена, которые долгое время сохранялись в славянском именослове: **Витовт** (балтск. 'вести народ') [Борис 2010: 21], **Ягайло** (балтск. 'хороший ездок') [Борис 2010: 45].

Адаптируясь к звуковому строю и грамматической системе старобелорусского языка, календарные имена иноязычного происхождения образовывали разговорные формы. Они представлены в ономастике исторической повести, являясь носителями коннотации национально-культурной специфики: «За здоровье вашей жены пани Екатерины и вашей прекрасной дочери **Настасьи**, всего вашего рода!» [Крашевский 2009: 161]; «Посмотрите, – обратилась торговка **Марыся** к вратарнику – какой-то бедный молодой человек молится перед иконой нашей Богоматери и плачет!» [Крашевский 2009: 238]. Выразителями коннотации национально-культурной специфики являются и формы звательного падежа: «Приветствую, **пане Станиславе!** Что случилось?» [Крашевский 2009: 156]; «Заодно попробуем что-либо выведать от него, **пане Адаме**» [Крашевский 2009: 164]”

Репрезентантами коннотации социальности являются использованные в репликах героев повести Ю.И. Крашевскому присущие средневековому этикету апеллятивы **пан (пани), князь (княгиня)** в сочетании с личными именами – показатели высокого статуса представителей шляхты: «Плохи, наверное, наши дела, **пане Матей**, когда уже в городе, в самом центре, строится крепость» [Крашевский 2009: 187]; «Бывшая детская привязанность **князя Януша** исчезла» [Крашевский 2009: 310].

Коннотацию церковности представляют в повести православные и католические варианты имен в сочетании с апеллятивом **отец** – формы именования священников и монахов: «Уже немолодой, немного сгорбленный, высокого роста, **отец Прокопий** выглядел как священник-рыцарь» [Крашевский 2009: 317]; «У нас в коллегии ничего нового, – ответил **отец Ян**» [Крашевский 2009: 310].

Форма имени-поэтонима – показатель характера и тональности межличностных отношений. Интересными в этом смысле являются наблюдения за употреблением личных имен в повести Ю.И. Крашевского. Князь Януш Радзивилл, который женился на Софье Олелькович ради богатого приданого, избегает употреблять имя жены, не любит Софью, не сочувствует молодой женщине, которая заболела из-за одиночества и равнодушия мужа. И только во время последней встречи супругов перед ее смертью оживают человеческие чувства и в диалоге князя и княгини Радзивиллов впервые на страницах произведения употребляются их имена:

– Вот даже и сейчас, даже сейчас ты не можешь посидеть возле меня, не поговоришь со мной, как раньше... Всегда холодный **Януш**... Твоя душа не со мной...

Этот упрёк, первый в их жизни, разволновал **Януша**, он задрожал; вид **Софьи** поразил его. Теперь эти несколько слов, сказанных так ласково, это

прикосновение тронуло его душу. Самолюбие, жадность на минуту оставили его сердце, он видел перед собой **Софью** своего детства, **Софью**, которую любил братским сердцем, прежде чем там поселилась жажда наживы.

Он преклонил колени перед ней, взял ее руку и заплакал.

Софья увидела это, засияла радостью, расцвела, она не верила своим глазам:

– О, как же я несправедливо роптала на судьбу! – воскликнула она. – Господь милостив, он подарил мне перед смертью такие минуты! Спасибо тебе, Боже! Мне будет сладко умирать, **Януш**, ты еще помнишь о **Софье**, ты, может, помянешь её в своих молитвах! [Крашевский 2009: 310].

В XVI веке в Великом княжестве Литовском использовались **отчества** (патронимы), восходящие к древнему именованию, которым называли человека по именам его предков по мужской линии. Такие формы использовались в высших слоях общества и не только идентифицировали личность, но и утверждали статус наследника богатого и влиятельного рода: «*Нынешний Виленский воевода пан Радзивилл, имеющий сына Януша, женился на дочери князя Константина **Васильевича** Острожского*» [Крашевский 2009: 169], «*Софья была сестрой князя Симеона, отца князя Юрия, который является отцом нашей Софьи **Юрьевны** Олелькович, служкой княжны*» [Крашевский 2009: 168].

В XVI веке знатные роды в Речи Посполитой имели **фамилии** – официальные именованья, передаваемые в наследство и указывающие на принадлежность человека к определенной семье. Часть фамилий-патронимов образована от форм канонических личных имен. Писатель-историк рассказывает о происхождении фамилии и о родословной семьи **Олельковичей**: «*Софья Слуцкая происходила из старинного рода князей **Олельковичей**, которые вели свою родословную от внука великого князя литовского Ольгерда – **Олельки** (Александра) Владиславовича. Он воевал с татарами, участвовал в Грюнвальдской битве, подписал договор после войны Великого княжества Литовского и Польши с орденом крестоносцев*» [Крашевский 2009: 166]. Формой канонического имени **Ходко** (от **Федор**) мотивирована фамилия магнатов **Ходкевичей**: «*На стенах комнат висели портреты предков, начиная от **Ходки**, от которого вели свой род **Ходкевичи***» [Крашевский 2009: 188]. В основе фамилии **Корецкий** личное имя **Корец** «один из вариантов имени **Карп** (в переводе с греческого языка ‘плод’)» [Лемтюгова 2018: 178]. В основе фамилии **Хомец** личное имя **Хома** (каноническое **Фома**). Заимствовано славянами из древнееврейского языка, в переводе означает ‘близнец’. Суффикс -ец выполняет функцию выражения родственных связей [Лемтюгова 2018: 576]. Фамилии представителей шляхетских родов мотивируются языческими именами. Фамилия **Петкевич** образована от языческого имени **Петко** ‘пятый по счету’, указывающего на порядок рождения ребенка в семье [Бирилло 1965: 342]. В числе фамилий героев повести выделяются оттопонимические, образованные от названий поселений, правителями которых были представители знати, например, **Острожские**.

Средством характеристики и оценки персонажей – реальных исторических личностей – являются употребленные в повести прозвища. Описанием внешности и интеллектуальных способностей одного из приближенных Януша Радзивилла Томилы Томиловича является прозвище *Дубина*: «Томилу Томиловича при дворе прозвали *Дубина*, ведь он и вправду был могуч и крепок, как дуб, к тому же – тугодум» [Крашевский 2009: 182].

Смысловая нагрузка коллективного прозвища *Рад-живилы*, мотивированного значением белорусского глагола *жिवить* ‘обеспечивать чем-н. необходимым для существования, деятельности, развития; быть для чего-н. источником существования, деятельности, развития’ [Толковый словарь белорусского языка 1996: 201], раскрывается в контексте повести: «*Шляхта вообще была морально испорченной. Пожалуй, вся она стала равнодушной к моральной оценке своих поступков, не служила тому, к чему была призвана, а слепо шла за хозяевами, которые ее поили, кормили и использовали в своих целях. Радзивиллы называли шляхту *szarkq i rarkq* – шапка и кашка, что означало братскую дружбу и богатый стол; вот такая шляхта и оставила заметный след в истории их рода. Князь Николай Радзивилл, постоянно повторял, что он называет Радзивиллов не иначе как *Рад-живиль*» [Крашевский 2009: 211].*

Значительное место в ономастиконе исторической повести занимают так называемые «фондовые» **они́мы**. Созданию исторического колорита способствуют употребленные в контексте повести устаревшие топонимы, которые были рассмотрены в соотношении с современными названиями. **Семантическим археонимом** является топоним *Литва*, который употребляется в значении ‘древнее государство, занимавшее земли между сегодняшними Новогрудком, Молодечно, Минском, Слонимом’. **Фонетико-словообразовательные археонимы** *Вильня* и *Троки* отличаются от современных наименований *Вильнюс* и *Тракай* особенностями звучания и словообразовательными аффиксами. **Историонимы** – наименования объектов, исчезнувших с политической и географической карты, напр.: *Слуцкое княжество, Копыльское княжество, Речь Посполитая, Великое княжество Литовское, Курляндия, Инфлянты*.

В рассказе о роде Олельковичей использованы также эргонимы (*Орден Святого Базыля* ‘униатский орден базилиан’, *Трибунал* ‘высшее судебное учреждение в Великом княжестве Литовском’), геортонимы (*Белая неделя* ‘первая неделя после Пасхи у католиков’, *день Божьего Тела* ‘католический религиозный праздник, отмечается 22 июня’), библионимы (“*Хроника Бельского*”, “*Хроника Матея Стрейковского*”), документоним (*Статут Великого княжества Литовского*). Набожность персонажей повести передается благодаря употреблению в их речи имен Бога, святых, персонажей Священного Письма, наименований икон и др.: «Будем уповать на **Бога**, на то, что у нас такого еще не было, что не пойдет брат на брата, как **Каин**» [Крашевский 2009: 254]; «**Бог** терпеливо ждет, но будем надеяться, что истинная вера, вера чистого Священного Писания, победит идолопоклонников» [Крашевский 2009: 184]; «Над дверью кельи висела **икона Святого Ксаверия**,

небесного покровителя ректора» [Крашевский 2009: 217]. Защитницей жителей Вильно XVI века, атмосфера которого была пронизана распрями, спорами и отсутствием согласия, была **Остробрамская икона Божией Матери**: «Уже в те времена икона **Остробрамской Божией Матери** была в большом почете у молящихся здесь людей, которые шли сюда со своими бедами и горем. Богоматерь со скрещенными на груди руками возвышалась над головами горожан и, казалось, притягивала к себе обиженных и плакала над ними» [Крашевский 2009: 237].

Историческая повесть Ю.И. Крашевского характеризуется стилистически мотивированным использованием ономастических единиц, передающих факты истории древнего рода Олельковичей. Важнейшими чертами ономастического пространства произведения писателя-историка является широкое использование имен реальных исторических личностей, а также соответствие смысловой нагрузки и форм именования героев словообразовательным типам и моделям антропонимикона XVI века. Культурно-историческую функцию выполняют в повести «фоновые» онимы (топонимы, теонимы, эргонимы и др.), выражающие пространственно-временные отношения и отражающие мировоззрение автора и персонажей произведения.

Список литературы

1. Барыс, С. Як у нас клічуць?: Беларускія імёны / С. Барыс. – Мінск: Медысонт, 2010. – 124 с.
2. Бірыла, М.В. Беларуская антрапанімія : Прозвішчы, утвораныя ад апелатыўнай лексікі / М.В. Бірыла. – Мінск: Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
3. Крашевский, Ю.И. Король в Несвиже. 1784; Последняя из слущких князей / Ю.И. Крашевский; пер. с пол. языка и коммент. М. Кенько. – Минск: Худ. лит., 2009. – 335 с.
4. Лемтюгова, В.П. Корни наших фамилий = карані нашых прозвішчаў / В.П. Лемтюгова, И.О. Гапоненко. – Минск: Звезда, 2018. – 672 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы: больш за 65 тыс. слоў / І.М. Бунчук [і інш.] ; пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мінск: БелЭн, 1996. – 784 с.